

М.В. Шкаровский

Русская церковная эмиграция в Болгарии в 1920-е гг.

Статья посвящена рассмотрению истории развития русской богословской науки, духовного образования, монашества в Болгарии, осуществлявшегося в 1920-е гг. главным образом представителями русской эмиграции, пребывавшими в юрисдикции Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей. В рассматриваемый период русское духовенство играло значительную роль в религиозной, научной и культурной жизни Болгарии. В значительной степени этому способствовали сложившиеся многовековые церковные русско-болгарские связи.

Ключевые слова: богословский факультет Софийского университета, богословское образование, Болгария, Болгарская Православная Церковь, православие, Русская Православная Церковь Заграницей, русское монашество, русская эмиграция, церковная история.

В 1920-е гг. одним из важнейших центров той части российской эмиграции, которая принадлежала к юрисдикции Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ), вторым по значению на Балканах, была Болгария. В этот период русское духовенство играло значительную роль в религиозной жизни страны. Оно было более образовано, активно, чем местные православные священнослужители, и поэтому с начала 1920-х гг. зачастую выступало инициатором многих важных духовных процессов: содействовало развитию монашества, богословской науки, созданию духовных учебных за-

ведений и т. д. Этому способствовали и многовековые церковные русско-болгарские связи.

Основные работы по истории русской церковной эмиграции и русских храмов в Болгарии были написаны российскими авторами: игумен Иннокентий (Павлов), В.В. Антонов, А.В. Кобак, В.И. Косик, А.А. Кострюков, М.В. Шкаровский. Некоторые сведения на эту тему содержатся в трудах немецкого церковного историка Георга Зайде, достаточно квалифицированно описавшего общую историю Русской Православной Церкви за границей¹. Отдельные сюжеты, связанные с историей русской церковной эмиграции, освещались в работах болгарских историков. Здесь следует упомянуть монографии С. Елдьрова «Православието на войне. Българската православна църква и войните на България 1877–1945» (София, 2004) и К.А. Бойкиковой «Болгарская Православная Церковь. Исторический очерк» (София, 2005), а также работы Ц. Киосевой, И. Снегарева, В. Стояновой, Д. Калканджиевой, Т. Сабева, М.И. Бълховой и некоторых других. Ценные сведения о жизни и деятельности русских священнослужителей в Болгарии можно почерпнуть из биографических справочников духовенства российского зарубежья, составленных французским ученым Антуаном Нивьером и московским историком В.И. Косиком.

Значительную ценность также представляют опубликованные работы (воспоминания, богословские труды, исторические очерки) непосредственных участников описываемых в монографии событий: архиепископа Серафима (Соболева), архиепископа Дамиана (Говорова), правителя дел Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей епископа Григория (Граббе), протоиерея Всеволода Шпиллера и протопресвитера Георгия Шавельского (Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – Москва, 2010).

Источниковую базу составляют материалы трех государственных (одного болгарского, двух российских), а также трех русских церковных архивов. При этом в Болгарии существует уникальная

¹ Seide, G. Geschichte der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland / G. Seide. – Wiesbaden, 1983; Seide, G. Die Kloster der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland / G. Seide. – München, 1984.

ситуация: Болгарская Церковь – единственная из Православных Церквей Восточной Европы в социалистический период передала свои документы за почти весь XX век в государственный архив, где они полностью доступны для исследователей. В частности, в Центральном государственном архиве Болгарии (Централен държавен архив – ЦДА) хранятся документы Болгарской Православной Церкви 1920-х гг., прежде всего фонд Священного Синода (ф. 791к), а также фонды различных ведомств, занимавшихся делами русской эмиграции.

Особый интерес среди российских архивов вызывает Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), содержащий обширные фонды Совета по делам Русской православной церкви (ф. 6991) и Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей (ф. 6343). Первый из этих фондов включает целый комплекс документов о послевоенной религиозной ситуации в Болгарии и связях Московской Патриархии с руководством Болгарской Православной Церкви после 1944 г., однако в нем иногда встречаются и более ранние сюжеты. В свою очередь фонд Архиерейского Синода РПЦЗ хорошо документирует историю русской церковной ситуации в Болгарии в 1920-е гг. Есть в этом архиве и личный фонд несколько десятилетий жившего в Болгарии протопресвитера Георгия Шавельского. Большая часть документов по истории русской церковной эмиграции и русских храмов в Болгарии до начала 1920-х гг. хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург).

Вторую группу образуют три русских церковных архива, прежде всего Синодальный архив Русской Православной Церкви за границей в г. Нью-Йорке (СА). Из состава его документов использовались материалы нескольких дел: переписка председателя Архиерейского Синода митрополита Анастасия и архиепископа Серафима (Соболева), дела с протоколами Архиерейских Соборов 1921–1939 гг. (загравившими болгарские сюжеты), личные дела некоторых служивших в Болгарии русских архиереев и т. д. Архив Свято-Троицкой Духовной семинарии РПЦЗ в г. Джорданвилле (штат Нью-Йорк) содержит документы по истории русской церковной эмиграции, в том числе в Болгарии. Эти материалы дополняет Архив Германской епархии Рус-

ской Православной Церкви за границей в г. Мюнхене (АГЕ). Здесь хранятся дело «Разная переписка. Военные годы» с документами начальника канцелярии Архиерейского Синода РПЦЗ до начала 1930-х гг. Е.И. Махараблидзе, книга постановлений Духовного собора русского монастыря преп. Иова Почаевского в Словакии, который вел большую издательско-миссионерскую работу, отчасти благодаря финансовой помощи Болгарской Церкви.

В работе также использовались статьи и публикации документов из православных периодических изданий Болгарской и Русской Православных Церквей – прежде всего газет «Църковен вестник» (София), «Държавен вестник» (София) «Православная Русь» (Ладомирова, Словакия), журналов «Церковная жизнь» (Белград), «Церковное обозрение» (Белград), «Гласник» (Белград).

Когда в результате гражданской войны часть русских архиереев оказалась в эмиграции в Стамбуле, их приютила в своей константинопольской резиденции Болгарская экзархия. 2 января 1920 г. в Софию прибыла возглавляемая А.М. Петряевым русская дипломатическая миссия белого правительства Юга России, на которую возлагалась защита интересов российских беженцев и Русской Церкви в Болгарии. В 1919 г. в стране находилось до 12 тыс. бывших русских военнопленных, правда, к началу 1921 г. их число в результате возвращения в Россию снизилось до 4 тыс., но вскоре началось массовое прибытие белоэмигрантов. По данным Беженского комитета в Стамбуле, на 1 февраля 1921 г. в Болгарии уже находилось 6855 русских беженцев², а летом 1922 г. их число достигло максимальной цифры – по подсчетам болгарских исследователей – от 34 до 40 тыс.³ Ряд историков Русской Православной Церкви называют цифру в 50 тыс.⁴, но она, скорее всего, завышена.

² Колосова, В.О. Роль российского общества Красного Креста в обустройстве русских беженцев в Европе в 1918–1922 гг. / В.О. Колосова // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы 2003 г. – Москва, 2003. – С. 343, 345.

³ Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. – София, 2001. – С. 52, 87; Даскалов, Д. Бялата емиграция в България / Д. Даскалов. – София, 1997. – С. 13–24.

⁴ Никон (Рклицкий), епископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого / епископ Никон (Рклицкий). – Нью-Йорк, 1959. – Т. V. –

Уже в начале 1920-х гг. в Болгарии стали возникать многочисленные русские общества, культурные, учебные, благотворительные заведения; действовали три госпиталя Российского общества Красного Креста; выходили почти 100 русских газет и журналов; существовали издательства: «Златолира». «Русская трудовая артель», «Русская библиотека», «Балканский журнал», «Зарницы» и др.; художники-эмигранты писали иконы и фрески в самых известных болгарских храмах и т. д.⁵

Так, например, больших успехов в области церковной живописи достиг Н.Е. Ростовцев, в качестве проектировщика и реставратора он участвовал в восстановлении и устройстве 28 храмов по всей стране. В 1930 г. Ростовцев выиграл конкурс Болгарского Синода, а в 1938 г. получил разрешение Синода «нанимать рабочих и руководить росписью церквей». Наиболее известными его работами в этой области в довоенный и военный период стали фрески в храмах Пресвятой Троицы в Калотине (1935), святого Архангела в Дылко Поле (1938), святой Марины в Велико-Тырново (1942), святого Феодора Тирона в Старо-Загоре (1944) и алтарь церкви Духовного училища в Софии (1944). Другой русский художник И. Лазаренко уже в 1922–1923 гг. создал монументальную библейскую композицию в Клисурском монастыре. Художник М.М. Малецкий в начале 1930 г. выиграл международный конкурс на создание икон православных святых и в 1930–1936 гг. написал 26 образов, с которых были сделаны массовым тиражом типографские отпечатки, распространявшиеся в православных храмах по всему миру. Благодаря им. М.М. Малецкий приобрел международную известность и в 1938 г. получил от Болгарского Синода право самостоятельно писать иконы и руководить росписью церквей, внес он существенный вклад и в реставрацию пострадавших от бомбардировок фресок русской церкви святителя Николая Чудотворца в Софии после Второй мировой войны (в 1944–1946 гг.)⁶.

С. 31; Seide, G. Verantwortung in der Diaspora. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland / G. Seide. – München, 1989. – S. 270; Русские храмы и обители в Европе. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 31.

⁵ Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / М. Йованович. – Москва, 2005. – С. 339.

⁶ Кьосева, Ц. Русские художники-эмигранты в Болгарии / Ц. Кьосева // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София, 2009. – С. 89–95.

В 1920 г. 55 % населения страны было неграмотно, и русская интеллигенция играла большую роль в интеллектуальной жизни Болгарии. Следует отметить, что в 1920–1930-е гг. профессора в Софийском университете имели право читать лекции на русском языке, а студенты – сдавать на нем экзамены⁷. С 1920 г. по 1948 г. в Софийском университете читали лекции 36 русских преподавателей, они работали на четырех из семи факультетов: на историко-филологическом – 10, юридическом – 6, медицинском – 16 и богословском – 4⁸. Русские преподаватели с 1920 по 1953 гг. опубликовали 26 учебников и учебных пособий, в том числе Н.Н. Глубоковский и М.Э. Поснов были авторами трудов, связанных с историей христианства. С 1921 г. в стране существовала Русская академическая группа. Имелись у эмигрантов и планы создания своей высшей школы, однако им помешало отсутствие необходимых средств.

Значительный вклад в развитие болгарского духовного образования внесли русские богословы. Среди них наиболее заметной фигурой был член-корреспондент Российской Академии Наук, бывший член Предсоборного присутствия при Святейшем Синоде, профессор Петроградской духовной академии знаменитый экзегет, патролог и историк Церкви Николай Никанорович Глубоковский.

В дальнейшем Н.Н. Глубоковский стал одним из создателей богословского факультета Софийского университета им. Климента Охридского и основателем новозаветного богословия в Болгарии. В мае 1923 г. он принял приглашение Софийского университета занять должность ординарного профессора. Ученый приехал в Софию из Белграда 11 июля 1923 г. и с этого времени до своей кончины возглавлял кафедру Священного Писания Нового Завета. Вместе с ним в Софии работали и многие его бывшие ученики по Петроградской духовной академии, в том числе четыре митрополита.

В период эмигрантской деятельности Н.Н. Глубоковский опубликовал свыше 100 научных книг, статей и заметок, вышедших в Софии, Белграде, Праге, Стокгольме, Париже, Варшаве, Берлине,

⁷ Матвеева, И.В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний / И.В. Матвеева // Славянский альманах. 2003. – Москва, 2004. – С. 511, 514.

⁸ Велева, М. Българската съдба на проф. П. М. Бицилли / М. Велева. – София, 2004. – С. 21–22, 28–30.

Женева, Токио, Сремских Карловцах. В основном его работы издавались в «Ежегоднике Богословского факультета Софийского университета», «Православной мысли», «Пути» (Париж) и различных других периодических изданиях. В 1933 г. Николай Никанорович завершил насчитывавший более 2500 страниц и так и не изданный «Объяснительный библейский словарь», над составлением которого трудился с 1905 г.⁹

Н.Н. Глубоковский активно интересовался вопросами, касающимися церковной истории Болгарии. В частности, по этой тематике им была написана целая серия статей в Богословской энциклопедии: «Йоан, екзарх Болгарский», «Йоан Рыльский», «Йосиф Первый, екзарх Болгарский», «Кириллица и глаголица. О древнеболгарской письменности», «Св. Кирилл Философ», «Климент Словенский», «Климент, митрополит Тырновский» и другие.

14 июня 1925 г. в Софии состоялось публичное заседание Русской Академической группы в Болгарии, посвященное 35-летию научной деятельности Н.Н. Глубоковского. К своему юбилею профессор получил более 200 приветствий от различных организаций, священнослужителей, ученых и общественных деятелей. Русская Академическая группа в Болгарии сообщила Архиерейскому Синоду Зарубежной Русской Церкви об исполняющемся 35-летию ученой деятельности Н.Н. Глубоковского¹⁰, и это вызвало активную положительную реакцию. Официальный печатный орган Синода журнал «Церковные ведомости» отмечал, что празднование 35-летия научной деятельности юбиляра «превратилось во всеславянское торжество, нашедшее отзвук во всех концах мира»¹¹.

В 1929 г. ученый был избран дописным членом (членом-корреспондентом) Болгарской Академии Наук. Николай Никанорович пользовался исключительным авторитетом в церковных, научных

⁹ См.: Русские писатели-богословы. Историки Церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания. Библиографический указатель. – Москва, 2001. – С. 272–273; Платонов, А. Глубоковский Николай Никанорович / А. Платонов // Русская философия. Энциклопедический словарь. – Москва, 2003.

¹⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 6.

¹¹ 35-летний юбилей учено-литературной деятельности профессора Н.Н. Глубоковского // Церковные ведомости. – 1925. – № 13–14. – С. 9.

и общественных кругах. Многие известные иерархи Болгарской, Сербской и некоторых других Православных Церквей были его учениками.

Он в значительной степени влиял на церковную политику Болгарии – как внутреннюю, так и международную, выступая официальным представителем не признанной автокефальной Болгарской Церкви и ходатаем за Болгарское государство перед знакомыми ему зарубежными политическими деятелями и организациями. Во многом благодаря усилиям Н.Н. Глубоковского удалось спасти от закрытия богословский факультет Софийского университета при сокращении государственных ассигнований на образование в первой половине 1930-х гг.

В эмиграции Н.Н. Глубоковский сотрудничал как с Русской Православной Церковью за границей (РПЦЗ), так и с отделившимся от нее Западно-Европейским Экзархатом митрополита Евлогия (Георгиевского), но с середины 1920-х гг. относил себя к юрисдикции Болгарской Православной Церкви. Большое внимание Н.Н. Глубоковский уделял подготовке нового поколения русских священнослужителей. В сентябре 1925 г. он участвовал в III съезде Русского христианского студенческого движения (РСХД) в Хоповском монастыре (Королевство сербов, хорватов и словенцев), состоял куратором этого студенческого движения в Болгарии, а в дальнейшем сотрудничал как со Свято-Сергиевским богословским институтом в Париже, так и с Ученым комитетом, учрежденным в Сремских Карловцах при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей (в 1934 г. он стал его членом). В основанном митрополитом Евлогием Свято-Сергиевском институте ученый неоднократно читал лекции (летом 1925-го, осенью–зимой 1928–1929 гг.), а в 1935 г. был избран его почетным членом. Н.Н. Глубоковский поддерживал личную переписку с Первоиерархом РПЦЗ митрополитом Антонием (Храповицким), по приглашению Сербского Патриарха Варнавы (Росича), его бывшего ученика, в первой половине 1930-х гг. регулярно посещал Сремски Карловцы¹².

¹² Клементьев, А.К. «...Человек без лицемерия» / А.К. Клементьев // Новый журнал. – 2007. – Кн. 249. – С. 327–328.

В число первых четырех избранных профессоров богословского факультета Софийского университета, кроме Н.Н. Глубоковского, входил также бывший профессор Петроградской духовной академии и законоучитель дочерей императора Николая II протоиерей Александр Петрович Рождественский, возглавлявший кафедру Священного Писания Ветхого Завета. С 5 сентября 1924 г. до своей кончины профессорскую кафедру истории Древней Церкви богословского факультета занимал бывший профессор Киевской Духовной Академии Михаил Эммануилович Поснов. С 1924 г. доцентом кафедры Священного Писания и Ветхого Завета (позднее профессором) являлся бывший протопресвитер российского военного и морского духовенства, член Святейшего Синода, член Высшего Церковного Совета при Патриархе (в 1917–1918 гг.) Георгий Иванович Шавельский. Преподавали на богословском факультете Софийского университета также архимандрит Тихон из Киевской духовной академии, профессор М.В. Зызыкин, профессор А.П. Доброклонский и доцент С.В. Троицкий. Последним русским профессором Софийского университета (до 1971 г.) был Н. Дилевский. Один из современных болгарских историков отмечал, что «среди богословской профессорской коллегии в первые годы преобладали белоэмигранты»¹³.

В Пловдивской духовной семинарии преподавали шесть русских эмигрантов: Н. Никитюков, профессор М. Поснов, священник Михаил Шишкин (возведенный 10 мая 1936 г. в сан протоиерея), М. Калнев, И. Чаусов и В. Иваницкий, причем первые двое преподавали также в Софийской семинарии (вместе с филологом Ф.Г. Александровым), а последние двое – в Бачковском священническом училище и т.д.¹⁴

С помощью болгарского государства уже в 1921–1923 гг. были открыты семь русских гимназий: две в Софии и по одной в Шумене (действовала до 1934 г.), Варне, Пештере (она, по имени школьной

¹³ Димитров, И. Професор Николай Никанорович Глубоковский – основател на новозаветного богословие в България / И. Димитров // Бялата емиграция в България. Бялата емиграция в България. Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г. – София, 2001. – С. 366–367.

¹⁴ Евлогий, епископ. Учители белоэмигранти в Пловдивската Духовна Семинария / епископ Евлогий // Бялата емиграция в България Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г. – София, 2001. – С. 375–376.

иконы, носила название «Крестовоздвиженской»), Пловдиве (позднее в г. Тырново-Сеймене) и Петропавловском монастыре (вблизи г. Горна Ореховица), в общей сложности с 1 тыс. учащихся (при этом три гимназии перевели из Константинополя). Во всех гимназиях в обязательном порядке священники преподавали Закон Божий, при некоторых из них существовали детские сады¹⁵.

Кроме того, действовали сельскохозяйственная школа-колония вблизи Велико-Тырново и семь военных училищ: Константиновское в г. Горня Джумая, Александровское, Корниловское и Донское атаманское в Ямболе, Сергеевское артиллерийское в Ново-Загоре, Николаевское инженерное в с. Княжево и Кубанское Алексеевское в г. Тырново-Сеймене. Также в 1920-е гг. были созданы 14 русских начальных и подготовительных школ, 6 детских домов и интернатов – в Софии (два), Варне, Бургасе, Пернике, Велико-Тырново, инвалидные дома в Шумене, Казанлыке, Царевроде, с. Шипка, с. Княжево под Софией и в других местах¹⁶.

Эти учебные заведения до установления в мае 1934 г. советско-болгарских отношений пользовались материальной и моральной поддержкой правительства Болгарии. В частности, премьер-министр профессор Александр Цанков во время разговора с протопресвитером Георгием Шавельским летом 1923 г. заявил: «Наша задача не денационализировать русскую школу, а напротив, всеми силами помочь ей сохранить национальную особенность, чтобы она могла воспитать настоящих русских людей»¹⁷.

Огромное значение в русских учебных заведениях придавалось преподаванию Закона Божьего. До своей кончины в 1928 г., Закон Божий в первом – третьем классах и подготовительных группах этой гимназии преподавал протоиерей Василий Флоровский, а затем во всех классах вел протопресвитер Георгий Шавельский. 19 декабря

¹⁵ Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. С. 315–317.

¹⁶ Центральный государственный архив Болгарии (Централен държавен архив – ЦДА). Фонд 166к. – Оп. 3. – Д. 1; Шавельский, Г. Русская школа в Болгарии / Г. Шавельский // Труды V-го съезда русских академических организаций за границей. София, 1932. – Ч. 1. – С. 3; Матвеева, И.В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний. С. 511.

¹⁷ Кьосева, Ц. Русские школы в Болгарии (20-е – 40-е годы XX века) / Ц. Кьосева // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София, 2009. – С. 65.

гимназия ежегодно праздновала день своего покровителя святителя Николая Мирликийского.

Некоторые русские учебные и благотворительные учреждения имели домовые церкви или часовни, например, военное училище Войска Донского в г. Ямболе, русский инвалидный дом в Шумене, русская смешанная гимназия новых языков В.П. Кузминой в Софии (законоучителем гимназии и настоятелем ее храма служил протоиерей Георгий Голубцов), русская гимназия в Шумене (законоучителем гимназии и настоятелем ее храма в 1926–1934 гг. служил протоиерей Димитрий Трухманов), гимназия имени П.Н. Врангеля.

В феврале 1926 г. прибывший в Сремские Карловцы (Королевство сербов, хорватов и словенцев) епископ Серафим (Соболев) доложил Архиерейскому Синоду РПЦЗ о положении законоучителей и церквей при русских гимназиях в Болгарии и представил выработанное положение об этих гимназиях, которое было передано на отзыв синодальному члену епископу Гавриилу¹⁸.

В Ямболе, помимо военного училища Войска Донского, появились и два русских воинских кладбища, на одном из которых в 1921 г. воздвигли памятник погибшим воинам. В 1929 г. была устроена часовня-памятник на русских могилах Велико-Тырновского кладбища. Русские домовые храмы возникли также в Руссе, Пловдиве, Варне, Княжево, Пернике и некоторых других местах.

Духовным центром русской эмиграции в Болгарии была Православная Церковь. Следует отметить, что Болгарская Церковь сильно страдала от нехватки священников, особенно образованных, и ее Священный Синод охотно назначал русских священнослужителей настоятелями болгарских приходов или преподавателями Духовных учебных заведений. Согласно православным канонам, все русское духовенство в Болгарии требовалось зачислить в ведомство Болгарского Экзархата, однако по «братской церковной благосклонности» (как выразился протопресвитер Стефан Цанков), правда, без принятия специального письменного решения, Синод позволил создание и самостоятельных в юрисдикционном отношении общин и монастырей, вошедших позднее в состав Русской Православной Церкви

¹⁸ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 4 об.

за границей (РПЦЗ)¹⁹. А 30 декабря 1921 г. были даже признаны права Зарубежной Русской Церкви на существование самостоятельной епископии в Болгарии²⁰.

К этому времени в стране уже служил русский архиерей. В начале весны 1921 г. архимандрит Тихон (Лященко) был переведен в Берлин и проживавший в Болгарии российский дипломат А.М. Петряев обратился к управлявшему русскими приходами в Западной Европе архиепископу Евлогию (Георгиевскому) с просьбой назначить в посольскую Никольскую церковь в Софии нового настоятеля, рекомендовав протопресвитера Георгия Шавельского. Однако мнения прихожан разделилась, и архиепископ выбрал вторую кандидатуру – епископа Серафима (Соболева)²¹.

Святитель Серафим, несомненно, был наиболее значительной и даже выдающейся фигурой русской церковной эмиграции в Болгарии. Владыка имел большое количество духовных детей и последователей. Правда, со многими болгарскими архиереями и болгарским правительством отношения у него не сложились; недружественные отношения были у архиепископа Серафима и с двумя другими видными представителями русской церковной эмиграции в стране – протопресвитером Георгием Шавельским и архиепископом Дамианом²².

Владыка Дамиан (Говоров) с 1918 г. был епископом Царицынским, викарием Саратовской епархии. В 1919 г. владыка уехал с отступавшими белыми частями в Ставрополь, а в ноябре 1920 г. покинул Крым вместе с армией генерала П.Н. Врангеля и эмигрировал в Константинополь. По свидетельству эмигрантского церковного писателя В. Маевского, преосвященный Дамиан «был исключительно мудрым, достойным и благостным архипастырем». В 1920-е – 1930-е гг.

¹⁹ Цанков, С. Българската православна църква от Освобождението до настояще време / С. Цанков. – София, 1939. – С. 191.

²⁰ Киосева, Ц. Документи о Белой эмиграции в болгарских архивах / Ц. Киосева // Вестник архивиста. – 2004. – № 3–4. – С. 255.

²¹ Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной / митрополит Евлогий (Георгиевский). – Москва, 1994. – С. 401.

²² Маевский, В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. / В. Маевский. – Нью-Йорк, 1966. – Т. 2. – С. 140–141.

владыка являлся членом Архиерейского Синода РПЦЗ, возведенный уже в Болгарии 13 мая 1930 г. в сан архиепископа Царицынского он был известен своими богословскими работами и духовно-образовательной деятельностью²³.

В начале 1923 г. архиепископ Дамиан основал старейшее образовательное богословское учреждение русской эмиграции – единственное Богословско-пастырское училище РПЦЗ в Европе. Оно было создано при монастыре святых Кирика и Иулитты, переданном в 1922 г. Болгарским Синодом в безвозмездное пользование русским насельникам. К сожалению, с кончиной основателя в 1936 г. деятельность училища постепенно стала замирать, и в начале 1938 г. решением Синода РПЦЗ оно было закрыто.

Помимо владык Серафима и Дамиана, в 1925–1931 гг. в Болгарии также проживал имевший много духовных детей архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан (Быстров), входивший первое время после эмиграции из России в состав Высшего Русского Церковного Управления за границей (в 1920–1922 гг.), а позднее – Архиерейского Синода РПЦЗ (с 2 сентября 1922 по 1925 гг. был заместителем председателя Синода).

Заметной фигурой не только в Болгарии, но и во всей русской церковной эмиграции являлся бывший глава российского военного и морского духовенства протопресвитер Георгий Иванович Шавельский, еще до революции 1917 г. ярко проявивший себя как талантливый администратор, церковный писатель, поэт и историк. Он стоял у истоков Зарубежной Русской Церкви, как один из организаторов и товарищ председателя Ставропольского Церковного Собора 18–24 мая 1919 г., член учрежденного 23 мая 1919 г. Временного Высшего Церковного Управления на Юге России и редактор его журнала «Церковные ведомости».

После поражения войск А.И. Деникина протопресвитер Георгий был заменен на должности протопресвитера военного и морского духовенства Добровольческой армии и по приказу генерала

²³ Маевский, В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 141; Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные архиереи периода с 1893 по 1965 годы (включительно) / митрополит Мануил (Лемешевский). – Эрланген, 1984. – Т. 3. – С. 19.

П.Н. Врангеля от 28 марта 1920 г. командирован за границу «для изучения духовного быта и устройства этой стороны жизни наших беженцев»²⁴. В конце апреля 1920 г. о. Георгий Шавельский покинул Севастополь и ненадолго прибыл в Константинополь, уже 19 мая он выехал в сербскую столицу Белград, решив по дороге заехать в Софию. Здесь 21 мая он получил предложение заняться преподавательской деятельностью в намеченной к открытию духовной академии. Священный Синод Болгарской Церкви назначил протопресвитера на профессорскую кафедру и разрешил ему поселиться в Софийской Духовной семинарии. Однако к концу 1920 г. Болгарский Синод из-за финансовых и административных проблем оставил мысль об открытии академии (в дальнейшем ее заменил открытый в 1923 г. богословский факультет Софийского университета), и о. Георгию было предложено заняться преподаванием в пастырском училище, размещавшемся в Бачковском монастыре, в 50 километрах от г. Пловдив. Это предложение пастырь не принял и затем получил преподавательскую должность в Софийской духовной семинарии, где работал три года²⁵.

Отец Георгий также служил священником в русской софийской церкви святителя Николая и после отъезда в 1921 г. архимандрита Тихона (Лященко) хотел занять пост ее настоятеля. Назначение на эту должность епископа Серафима (Соболева) протопресвитер воспринял как проявление недоброжелательного отношения к нему управлявшего Западно-Европейской епархией архиепископа Евлогия²⁶. Обиженный протопресвитер отказался принять участие во встрече владыки Серафима на софийском вокзале; его отношение к архипастырю не изменилось и после того, как епископ первый пришел к нему для знакомства²⁷.

В дальнейшем приходская служба протопресвитера Георгия складывалась не слишком благополучно. Епископ Серафим (Соболев),

²⁴ ГАРФ. Фонд 1486. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 2 об.–3.

²⁵ Соловьев, И. Протопресвитер Георгий Шавельский и его литературное наследство / И. Соловьев // Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – Москва, 2010. – С. 30–31.

²⁶ ГАРФ. Фонд 1486. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 628.

²⁷ Кострюков, А.А. Преодолевший разделение / А.А. Кострюков. – Москва, 2014. – С. 102–103.

бывший строгим монахом, не нашел, однако, общего языка со своими сослуживцами по Никольской церкви²⁸. Первоначально отец Георгий хотел участвовать в работе Высшего Русского Церковного Управления за границей, и епископ Серафим 21 сентября 1921 г. ходатайствовал о предоставлении протопресвитеру визы в Королевство сербов, хорватов и словенцев и права бесплатного проезда в г. Сремски Карловцы. Однако эти попытки оказались безуспешными, визу о. Георгий не получил, а на Первом Русском Всезарубежном Церковном Соборе, проходившем в Сремских Карловцах осенью 1921 г., против о. Георгия Шавельского прозвучал ряд обвинений. В частности, на заседании военно-церковного отдела протопресвитера обвинили в том, что именно его паства совершила революцию. После этого о. Георгий перестал пытаться влиять на деятельность Зарубежной Русской Церкви²⁹.

Помимо личных негативных отношений с главой Высшего Русского Церковного Управления за границей (ВРЦУ) митрополита Антония (Храповицкого), причинами данного конфликта были широта богословских взглядов и либерализм о. Георгия. Многие его идеи вызывали настроенное и даже негативное отношение со стороны консервативных архиереев РПЦЗ. В частности, протопресвитер считал, что инославные миряне могут причащаться и исповедоваться у православных священников, выступал за совместную молитву с инославными, открыто сочувствовал экуменическому движению и русскому христианскому студенческому движению, считал переход к григорианскому церковному стилю полезным и неизбежным, проявлял неприязнь к институту ученого монашества, в отличие от Архиерейского Синода, не считал опасными труды протоиерея Сергия Булгакова о Софии, Премудрости Божией³⁰, а также оправдывал некоторых знакомых ему деятелей обновленческого раскола, которым открыто симпатизировал³¹.

²⁸ Соловьев, И. Протопресвитер Георгий Шавельский и его литературное наследство. С. 32–33; ГАРФ. – Фонд 1486. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 645.

²⁹ Кострюков, А.А. Преодолевший разделение. С. 103.

³⁰ См.: Энеева, Н.Т. Спор о софиологии в русском Зарубежье. 1920–1930 гг. / Н.Т. Энеева. – Москва, 2001.

³¹ Кострюков, А.А. Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод / А.А. Кострюков // Церковь и время. – 2006. – № 1 (34). – С. 135–143; Жевахов, Н. Воспоминания / Н. Жевахов. – Москва, 1993. – С. 36–37, 44–46.

Разногласия между протопресвитером и русскими зарубежными архиереями постепенно углублялись. В 1922 г., когда ВРЦУ было упразднено указом Патриарха Тихона № 348 от 5 мая, о. Георгий Шавельский поддержал сторонников выполнения этого указа и выступил за передачу митрополиту Евлогию (Георгиевскому) управления всеми европейскими приходами. Позднее протопресвитер считал, что нерешительность владыки Евлогия, его нежелание взять власть в свои руки после патриаршего указа № 348 стала одной из главных причин образования Архиерейского Синода вместо упраздненного ВРЦУ³².

Обстановка обострилась в 1926 г., когда протопресвитер выступил против разрыва Архиерейского Синода с митрополитом Евлогием и Северо-Американским митрополитом Платоном (Рождественским)³³. Протопресвитер встал на сторону митрополита Евлогия и вскоре предложил ему создать альтернативное Архиерейскому Синоду Высшее Церковное Управление. Отец Георгий считал, что этот владыка вместе с викариями имеет все основания учредить такой орган и устроить параллельную «Русскую Зарубежную Церковь»³⁴. Однако митрополит Евлогий не воспользовался советом о. Георгия.

Недоброжелательное отношение Архиерейского Синода не осталось без ответа со стороны протопресвитера. Обиду на отвергших его архипастырей отец Георгий пронес через всю жизнь, отметив в своих воспоминаниях: «...малоценен был этот Синод, составленный из архиереев небольшого калибра, возглавлявшийся совершенно одряхлевшим, а в последние годы выжившим из ума м. Антонием, совершенно потерявшим способность и движения и размышления. А между тем своим живым участием в крайне-правой политике, своим рабским преклонением перед вождями крайне-правых партий, как и церковной смутой, им порожденной и им раздутой, он не только огорчил, смутил, сбил с толку множество

³² Кострюков, А.А. Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод. С. 146–147.

³³ Бокач, Ф. Протопресвитер Георгий Шавельский / Ф. Бокач // Церковно-исторический вестник. – 1998. – № 1. – С. 103.

³⁴ Письма протопресвитера Г. Шавельского к митрополиту Евлогию. С. 104, 107.

беженских Русских душ, но и принес много огорчений и страданий Патриаршей Церкви, отвечавшей перед Советской властью за все его грехи»³⁵.

Нелестными и часто совершенно необъективными были отзывы протопресвитера и о других архиереях Зарубежной Русской Церкви. Так, например, в будущем Первоиерархе РПЦЗ архиепископе Анастасии (Грибановском) он отмечал «угодничество перед высокопоставленными особами». Отец Георгий пытался найти отрицательные черты даже в практически безупречных архиереях. Об архиепископе Феофане (Быстрове) протопресвитер снисходительно писал: «Большой аскет, доводивший свой аскетизм до самоистязания, монах до мозга и костей <...> маленького роста, худенький и невзрачный, сторонившийся от людей... проповедовавший, что для студентов важно благочестие, а не богословская наука». Не находя ничего негативного в характере архиепископа Серафима (Соболева) и даже признавая его праведность, протопресвитер обращал внимание на отдельные изъяны в хозяйственной и административной деятельности владыки, а также неодобрительно отзывался о его богословии, говоря, что своими рассуждениями архиепископ напоминал «благочестивую женщину»³⁶.

Протопресвитер также писал не только об «огромном влиянии, которым пользовался епископ Серафим в Карловацком Синоде», но и о том, что владыка якобы «заправлял» деятельностью Синода и постоянно влиял на Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей митрополита Антония (Храповицкого). По словам о. Георгия, архиепископ Серафим «в своих выступлениях с церковной кафедры вещал, что Советская власть – бесовская, что м[итрополит] Сергей лишился святительского права»³⁷.

Однако, как справедливо отмечал историк А.А. Кострюков, сохранившиеся архивные документы и другие источники «дают все основания относиться к словам протопресвитера Георгия Шавельского с известной осторожностью», и сведения о резких высказыва-

³⁵ ГАРФ. Фонд 1486. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 651.

³⁶ Кострюков, А.А. Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод. С. 141, 144–145.

³⁷ ГАРФ. Фонд 1486. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 649, 651.

ниях владыки Серафима относительно Московской Патриархии, а также о его влиянии на Архиерейский Синод РПЦЗ и лично митрополита Антония, вероятно, сильно преувеличены³⁸. С некоторыми иерархами Московской Патриархии архиепископ Серафим продолжал поддерживать отношения, а его влияние на дела руководства Русской Православной Церкви за границей, согласно документам, было не очень большим. Так, например, в конце 1935 г. он активно выступал против участия наравне с архиереями в планируемом Всезарубежном Соборе клириков и мирян, однако остался в меньшинстве. Поняв это, владыка Серафим стал добиваться, чтобы собрание с участием мирян было названо не Собором, а съездом, и окончательное решение по всем вопросам принимал бы Собор архиереев, однако и это предложение не нашло поддержки у руководства РПЦЗ³⁹.

С 21 октября 1921 г. по 4 декабря 1926 г. о. Георгий Шавельский был членом Епископского совета при управляющем русскими православными общинами в Болгарии, но в конце года узнал о прещеннях, которые готовит ему Архиерейский Синод. Отец Георгий в спешном порядке подал прошение епископу Серафиму об увольнении из юрисдикции Русской Православной Церкви за границей, где так и не смог прижиться⁴⁰. 9 декабря 1926 г. Архиерейский Синод постановил: в связи с представлением епископа Серафима от 6 декабря уволить протопресвитера Георгия Шавельского, согласно своему прошению, от должности члена Епископского совета с 4 декабря; «предварительно замещения освободившейся должности, ожидать представления Преосвященного Епископа Серафима. О чем Епископу Серафиму, для зависящих распоряжений, послать указ, объявив таковым же и Протопресвитеру Шавельскому»⁴¹.

В том же месяце о. Георгий перешел в юрисдикцию Болгарской Церкви. При этом протопресвитер сохранил связи с митрополитом

³⁸ Кострюков, А.А. Преодолевший разделение. С. 103–105.

³⁹ Кострюков, А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг. Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. – Москва, 2015. – С. 436, 438–439.

⁴⁰ Соловьев, И. Протопресвитер Георгий Шавельский и его литературное наследие. С. 33–34; ГАРФ. Фонд 1486. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 646–647.

⁴¹ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 2 об.–3.

Евлогием (Георгиевским). Так в 1927 г. он по приглашению владыки приезжал в Париж для участия в комиссии, составлявшей ответ Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому), и посетил Клермонский съезд Русского студенческого христианского движения, которому горячо сочувствовал, а позднее неоднократно получал от митрополита приглашения для консультаций и трижды – «почетные предложения» переехать служить во Францию (последний раз – в 1937 г.)⁴².

В 1930 г. о. Георгий определенно встал на сторону митрополита Евлогия в его конфликте с возглавлявшим Московскую Патриархию Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). Конфликт произошел из-за того, что митрополит Сергей сначала потребовал от заграничного духовенства подписку о лояльности к советской власти, а затем, после того как митрополит Евлогий в Лондоне молился о гонимых в России христианах, обвинил его в политиканстве и запретил в служении⁴³.

Выдающиеся организаторские способности, яркий проповеднический и педагогический талант протопресвитера уже вскоре были высоко оценены руководством Болгарского экзархата. Софийский митрополит Стефан (Шоков) предложил о. Георгию Шавельскому место почетного священника в столичном храме Святых Седмочисленников (равноапостольных Кирилла, Мефодия и пяти их учеников), где пастырь служил до своей кончины.

Близко знавший о. Георгия Шавельского по совместной жизни в Болгарии Федор Бокач в своих воспоминаниях много писал о том всеобщем уважении, которым пользовался протопресвитер среди болгар: «Могу сказать, не обинуясь, что такой популярности, какою пользовался о. Георгий, я больше в своей жизни не встречал нигде и никогда. В один из своих заездов в Софию, на прогулке, я даже спросил, не болит ли у него рука от столь частого снятия шляпы в ответ на приветствия встречаемых. Кланялись ему не только русские, но еще больше болгары. Последние мне часто с восхищением

⁴² Кострюков, А.А. Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод. С. 147–148; Бокач, Ф. Протопресвитер Георгий Шавельский. С. 103.

⁴³ Соловьев, И. Протопресвитер Георгий Шавельский и его литературное наследство. С. 34.

говорили: "Той не прост поп, той като владика". Священный Синод Болгарской Церкви не раз обращался к отцу Георгию за советами"⁴⁴.

Как уже говорилось, протопресвитер с 1924 г. служил доцентом на богословском факультете Софийского университета. Здесь он, помимо других предметов, читал лекции по пастырскому богословию, которые нравились студентам и впоследствии легли в основу ставшей широко известной книги о. Георгия Шавельского «Православное пастырство», вышедшей в 1928 г. на болгарском и в 1930 г. на русском языках. Эта книга получила самые высокие отзывы со стороны православной иерархии и клира разных стран⁴⁵.

Все названные священнослужители внесли свой вклад в развитие русской церковной жизни в Болгарии. Духовными центрами русской эмиграции в Болгарии были храмы, при которых возникали братства, сестричества, молодежные и детские группы, где активно занимались просветительской, культурной и благотворительной деятельностью. Число подобных организаций постоянно росло. Так, например, в журнале заседаний Архиерейского Синода Зарубежной Русской Церкви за декабрь 1923 г. говорилось, что в Болгарии состоялось открытие общины святой Евфросинии (Белого Креста)⁴⁶.

В мае 1925 г. на суждение Архиерейского Собора было передано сообщение епископа Царицынского Дамиана об учреждении миссионерских станов в Болгарии. Тогда же владыка Дамиан обратился в Архиерейский Синод с просьбой преподать благословение на открытие в Болгарии Свято-Владимирского православного братства. Эта просьба была воспринята положительно, и Синод преподал епископу Божие благословение на его открытие⁴⁷. 22 ноября 1926 г. Священный Синод Болгарской Церкви уведомил о том, что по вопросу о введении в действие среди русских беженцев в Болгарии устава Свято-Владимирского братства и устава миссионерского стана Преосвященному Дамиану необходимо войти в соглашение с управляющим русскими православными общинами в Болгарии епи-

⁴⁴ Бокач, Ф. Протопресвитер Георгий Шавельский. С. 104–105.

⁴⁵ Соловьев, И. Протопресвитер Георгий Шавельский и его литературное наследие. С. 31–32; ГАРФ. – Фонд 1486. – Оп. 1. – Д. 27. – Л. 1.

⁴⁶ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 1 об.

⁴⁷ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 3 об.–4.

скопом Серафимом. И Архиерейский Синод 9 декабря постановил переслать это уведомление владыке Дамиану⁴⁸.

В августе 1928 г. епископ Дамиан сообщил Архиерейскому Синоду о деятельности братства святого князя Владимира и о мероприятиях по его расширению. В свою очередь Синод принял братство под свое покровительство и призвал духовенство войти в его состав и по возможности всячески поддерживать его. Исполнение последнего пункта было поручено епископу Дамиану, который являлся бессменным председателем Свято-Владимирского братства⁴⁹. В мае 1930 г. владыка Дамиан поделился с Синодом информацией братства о положении Церкви в Советской России и за рубежом в январе – феврале этого года⁵⁰.

Помимо братств, значительную роль играли сестричества. Так, 23 ноября / 6 декабря 1926 г. епископ Серафим (Соболев) внес в Синод представление о поощрении старшей сестры сестричества при русской Никольской церкви в Софии О.А. Мейендорф. Рассмотрев его, Архиерейский Синод 9 декабря постановил: «Преподать Божие благословение с выдачей Св[ятой] Библии сестре сестричества при русской православной церкви в Софии баронессе Олимпиаде Александровне Мейендорф за ревностную службу Церкви Божией. О чем Епископу Серафиму послать указ, с препровождением Библии для выдачи по принадлежности, и с предложением представить в Архиерейский Синод из сумм церковных 150 дин[ар] заготовительной стоимости Библии»⁵¹.

Важное место в церковной жизни занимала монастырская деятельность. К середине 1930-х гг. в стране существовали два русских мужских монастыря: Ямбольский Александро-Невский (Святого Спаса) и Асеновградский свв. Кирика и Иулитты. Летом 1924 г. настоятельство в Александро-Невском монастыре принял приехавший по приглашению владык Серафима (Соболева) и Феофана (Быстрова) из Королевства сербов, хорватов и словенцев иеромонах Амвросий (Курганов), позднее известный в русском зарубежье под-

⁴⁸ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 3 об.

⁴⁹ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 98. – Л. 1–1 об.

⁵⁰ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 106. – Л. 1–1 об.

⁵¹ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 3 об.–4.

вижник в сане схиархимандрита⁵². Братия монастыря тогда состояла из пяти человек. Однако уже осенью 1924 г. «человеческая клевета изгнала» о. Амвросия из Болгарии, и он вернулся в Королевство сербов, хорватов и словенцев, где основал известную в дальнейшем Мильковскую русскую монашескую общину⁵³.

После иеромонаха Амвросия настоятелем Ямбольского Александро-Невского монастыря служил сам епископ Серафим (Соболев), затем его брат – архимандрит Сергей (Соболев), а наместником – иеромонах Кирилл, настоятелем же Асеновградской обители святых Кирика и Иулитты был архиепископ Дамиан (Говоров).

В журналах заседаний Архиерейского Синода РПЦЗ в основном содержатся сведения о Ямбольском монастыре. Так, определением Синода от 25 апреля / 8 мая 1924 г., он передавался в управление епископу Серафиму (Соболеву). Заведовавший хозяйством монастыря М. Кальнев в своем рапорте опротестовывал синодальное решение, однако Синод оставил этот рапорт без последствий⁵⁴. Вскоре Синод поручил управляющему русскими православными общинами Константинопольского округа архиепископу Анастасию (Грибановскому) произвести оценку состояния русского Ямбольского монастыря. В своем итоговом докладе от 15/28 сентября 1924 г. владыка нашел, что будущее обители может быть обеспеченным при следующих условиях: 1) если его насельники сохраняют добрые отношения с окрестными жителями – болгарами, почитающими монастырь своей исторической святыней; 2) если будет увеличена посевная площадь земли путем расчистки так называемой драки, обширной совершенно бесполезной территории вблизи монастыря; 3) если точно будут установлены и нормально закреплены границы монастырских владений; 4) если будет применена система более интенсивного хозяйства и восстановлен, в частности, погибший виноградник; 5) если везде будет применен по возможности свой труд, а не дорогостоящий наемный. Главный же залог преуспевания монастыря, – считал владыка, – состоял в развитии его религиозно-

⁵² Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). – Джорданвиль, 1988. – С. 161.

⁵³ Там же. С. 159.

⁵⁴ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 4–4 об.

просветительной миссии, которая совершенно замерла в последнее время: «Если этот светильник, стоящий на верху горы, будет ярко гореть и светить вокруг, то он скоро привлечет к себе сердца населения, и все необходимое для жизни приложится ему»⁵⁵. Доклад архиепископа Анастасия был рассмотрен Синодом 13 октября 1924 г. и сообщен настоятелю Ямбольского монастыря епископу Серафиму.

В декабре 1926 г. Синод заслушал представленный владыкой Серафимом денежный отчет за 1925 г. по Ямбольскому монастырю и заключение синодального члена епископа Гермогена (Максимова). Денежный отчет был принят к сведению. Также епископ Серафим заявил Архиерейскому Синоду, что он примет меры к представлению 10 % сбора с доходов монастыря⁵⁶. В августе 1927 г. владыка Серафим представил Синоду рапорт с отчетом о храме в Ямбольском монастыре, а также о финансовом положении обители, переданный на рассмотрение комиссии, состоявшей из трех членов Синода: епископов Сергия, Гермогена и Феофана⁵⁷.

И в дальнейшем отчеты и сметы обители передавались на рассмотрение Синода регулярно. Так, в июне 1930 г. его члену архиепископу Гермогену (Максимову) был дан на рассмотрение отчет о Ямбольском монастыре и его смета на 1930 г.⁵⁸ А в следующем месяце – 22 июля – Синодом был заслушан рапорт епископа Серафима с отчетом о денежных средствах и хозяйстве Александро-Невского монастыря в Ямболе от 10 марта и заключение архиепископа Гермогена. Учитывая отзыв последнего, представленный отчет предписывалось возвратить епископу Серафиму с целью «направления его в Епархиальный Совет для проверки по документам и затем с заключением Епархиального Совета представить в Архиерейский Синод»⁵⁹.

Кроме монастырей, в Болгарии имелось девять русских приходов. Важнейшую роль из них играл бывший посольский храм святителя Николая Чудотворца в Софии⁶⁰. Его настоятелем до середины

⁵⁵ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 63. – Л. 6–6 об.

⁵⁶ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 4 об.

⁵⁷ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 92. – Л. 7–7 об.

⁵⁸ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 3 об.

⁵⁹ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 108. – Л. 3 об.

⁶⁰ Маковецкий, А. Белая Церковь: Вдали от атеистического террора / А. Маковецкий. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 108.

1920-х гг. служил епископ Серафим (Соболев), затем – до своей кончины в конце 1928 г. протоиерей Василий Флоровский, а с 1929 г. – протоиерей Николай Владимирский⁶¹.

В храме святителя Николая пел замечательный хор – один из лучших в стране, которому в 1931 г. митрополит Антоний (Храповицкий) присвоил имя архиерейского, и в 1921 г. было образовано многочисленное церковное братство, занимавшееся главным образом церковно-просветительской и благотворительной деятельностью. Особенно активно оно заботилось о материальном обеспечении нетрудоспособных прихожан: обеспечивало больным эмигрантам бесплатные койки в больнице Русского Красного Креста и других клиниках, проводило специальный тарелочный сбор на бедных и т. д.⁶²

В Пловдиве русскому приходу предоставили в пользование болгарскую церковь святителя Димитрия Солунского; ее настоятелем служил протоиерей Александр Недельский. В Варне, где русская колония состояла из 7 тыс. человек, она также использовала переданный ей болгарский храм, где настоятелем служил протоиерей Иоанн Слюпин).

В июне 1926 г. о. Иоанн обратился с ходатайством о разрешении представить правящему епископу список лиц, «ведомых ему, и за кого он может отвечать, для утверждения церковного старосты, 5 членов Приходского Совета и 3 членов Ревизионной Комиссии, так как при выборах разгораются страсти среди политически настроенных лиц и нарушается церковный мир». В связи с отзывом епископа Серафима, заявившего, что варненский приход находится в особых условиях и из-за ссор среди прихожан имеется опасность отобрания храма со стороны болгарских церковных властей, Архиерейский Синод РПЦЗ предоставил владыке, вопреки правилам, в крайне исключительном случае утверждать для русской общины в Варне церковного старосту, пять членов приходского совета и три члена ревизионной комиссии по представлению настоятеля протоиерея Иоанна Слюпина⁶³. Эта история имела продолжение. В мар-

⁶¹ Православная Русь. – 1944. – № 9–10. – С. 15.

⁶² Говорухин, В. Русский Свято-Николаевский храм в Софии / В. Говорухин. – София, 1995. – С. 15–17.

⁶³ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 82. – Л. 5 об.–6.

те 1929 г. Архиерейский Синод заслушал переписку о возникших в русском приходе в Варне несогласиях. По итогам предварительного обсуждения прошение прихожан этой общины с жалобой на настоятеля о. Иоанна, а также рапорт последнего были переданы на рассмотрение управляющего русскими общинами в Болгарии епископа Серафима⁶⁴.

Продолжал действовать знаменитый русский храм Рождества Христова на Шипке, настоятелем которого был иеромонах Сергей (Чернов). В г. Пернике русская община в определенные дни использовала болгарскую церковь (настоятелем служил протоиерей Адриан Мышаков). В городах Пестере (Пещере) и г. Царебрوده (вблизи г. Шумена) ситуация была похожей (в Царебрوده община состояла из инвалидов русского дома призрения). В г. Руса (Рушук) русский приход также в определенные дни использовал болгарскую церковь. Наконец, в с. Княжево, в пригороде Софии, имелся свой храм святого великомученика Пантелеимона при русском инвалидном доме. Сначала инвалидам передали там уже существующее здание, затем был возведен еще один корпус, а со временем построили и церковь⁶⁵.

Епископ Серафим регулярно докладывал Архиерейскому Синоду о назначениях и освобождениях от должностей, поскольку Синод, как высший орган церковного управления в межсоборный период, должен был дать свою оценку и утвердить решения епископов. Так, 6 декабря 1926 г. владыка ходатайствовал об утверждении в должности секретаря Епископского совета в связи с уходом В.В. Попова, священника Никольской церкви в Софии Андрея Ливена. 9 декабря Синод утвердил данное назначение с 4 августа 1926 г. с оставлением о. Андрея при Никольской церкви⁶⁶.

В апреле 1928 г. архиепископ Серафим сделал доклад по делу об увольнении им церковного старосты русской Никольской церкви в Софии генерала Мировича, и Синод утвердил данное распоряжение⁶⁷. В это же время архиепископ попросил разрешения на заме-

⁶⁴ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 101. – Л. 2–2 об.

⁶⁵ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 113.

⁶⁶ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 85 – Л. 3.

⁶⁷ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 97. – Л. 4.

шение должности члена Епархиального совета и назначение себе заместителем во время отсутствия архимандрита Сергия (Соболева). Однако Синод разъяснил владыке, что архимандрит Сергей, являясь его родным братом, не может быть назначен заместителем во время отсутствия; секретари же Епархиальных советов не могут быть их членами и даже временно замещать отсутствующих членов совета, поэтому распоряжение владыки о замещении секретарем совета священником Андреем Ливеном отсутствующего члена не может быть утверждено. Отец Андрей может быть допущен к временному исполнению обязанностей члена Епархиального совета с утверждения Архиерейского Синода лишь после своего освобождения от должности секретаря⁶⁸.

Рассматривались Синодом и другие вопросы церковной организации. В декабре 1927 г. были заслушаны два письма епископа Серафима. В первом – от 10 октября – он докладывал о состоявшихся выборах приходского совета русской церкви в Софии, а также представил ряд касающихся их документов. При этом архиерей уведомил Синод, что результаты выборов он не утвердит, поскольку, по его мнению, была нарушена соответствующая процедура. Поэтому епископ Серафим постановил провести новые выборы. Во втором письме – от 17 ноября – владыка просил разрешить провести пропорциональные выборы членов приходского совета. Однако председатель Архиерейского Синода митрополит Антоний указал епископу на невозможность изменения приходского устава⁶⁹.

В феврале 1928 г., в связи с поступившими в Синодальную канцелярию прошениями прихожан русской церкви в Софии на имя архиепископа Серафима по вопросу о введении пропорциональных выборов при избрании приходского совета, рапортом владыки об утверждении им избранного приходского совета и новых прошений прихожан о введении пропорциональных выборов, Синод постановил, что, поскольку вопрос об изменении статей приходского устава о выборах приходских советов имеет принципиальный и общецерковный характер, перед окончательным вынесением решения необходимо поручить управляющему канцелярией Е.И. Махароблидзе

⁶⁸ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 97. – Л. 4–4 об.

⁶⁹ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 94. – Л. 5 об.–6.

всесторонне выяснить этот вопрос, и о результатах доложить Синоду вместе со своими соображениями по существу дела⁷⁰.

В сентябре 1928 г. Архиерейскому Синоду пришлось рассмотреть жалобу присяжного поверенного Н.Н. Алексеева с обвинением священника Никольской церкви Андрея Ливена в торговле книгами. Это обвинение было проверено делегацией Синода в июне 1928 г., посетившей Софию с целью расследования церковных дел. «Свидетельскими показаниями разных лиц и письменным заявлением Г.Г. Курындина, владеющего книжным магазином, установлено, что священник Ливен книгами лично не торгует, а лишь участвует в фирме капиталом. Фирма честная и порядочная». В связи с этим Синод постановил «уведомить жалобщика, разъяснив, что по сей жалобе священник Ливен не может быть предан духовному суду, и что участие его в книжной фирме капиталом без личного сотрудничества в магазине Архиерейский Синод не может поставить в вину о. Ливену при нынешних условиях жизни»⁷¹.

Члены Архиерейского Синода РПЦЗ были первыми иерархами Поместных Православных Церквей, которые вступили в евхаристическое общение с Болгарским Экзархатом и этим совершили прорыв в его изоляции от православного мира. Для участия в Первом Русском Всезарубежном Соборе 21 ноября – 3 декабря 1921 г. в г. Сремски Карловцы решением Высшего Русского Церковного Управления за границей была приглашена и Болгарская Церковь, которую на Соборе представлял епископ Маркианопольский Стефан (Шоков, будущий экзарх). Это вызвало недовольствие Сербского Патриарха Димитрия, в результате отказавшегося посетить заседания, и владыка Стефан, узнав об этом, покинул Собор, оставив приветствие от Болгарского Синода. Участники Собора ответили на него благодарностью за прием в Болгарии российских беженцев⁷².

Управлявший русскими православными общинами в Болгарии епископ Серафим (Соболев) доложил Собору о своем крайне тяжелом положении из-за схизмы и невозможности сослужения с болгарским духовенством. Архиереи всесторонне обсудили этот вопрос

⁷⁰ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 3.

⁷¹ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 2 об.

⁷² Маковецкий, А. Белая Церковь: Вдали от атеистического террора. С. 29–30.

и заявили, что они желали бы восстановить общение с Болгарской Церковью, но не могут превышать свои канонические правомочия без участия других Поместных Церквей и, в частности, Константинопольской. Несмотря на это, продолжая практику Русской Церкви, и, основываясь на правилах (№ 71, 81, 88, 122 Карфагенского Собора и № 122 по номерации в кормчей), члены Собора в одном из своих определений разрешили русским священникам и диаконам совершать все виды богослужений и таинств с епископами и клиром Болгарской Церкви, как и русским епископам с болгарскими священниками. Однако между архиереями обеих Церквей разрешалось только совместное служение молебнов, панихид и прочее, но «никак не совершение Божественной литургии и других св[ятых] таинств Православной Церкви»⁷³.

В конце декабря 1921 г. председатель Совета послов в Париже М.Н. Гирс обратился к архиепископу Евлогию (Георгиевскому) с просьбой попытаться урегулировать церковные отношения русских и болгарских священнослужителей в ситуации схизмы. В ответе владыки от 11 января 1922 г. говорилось, что речь идет о крайне сложном вопросе, который, несмотря на то, что русские иереи всячески пытались улучшить взаимоотношения, не может быть окончательно решен без согласия Константинопольского Патриарха⁷⁴. В то же время митрополит Антоний (Храповицкий), в ответ на неоднократные обращения епископа Серафима (Соболева), 19 декабря 1921 г. благословил русским зарубежным иерархам сослужить с болгарскими архиереями⁷⁵.

И вскоре в 1922–1923 гг. в различных городах Болгарии состоялось несколько совместных богослужений епископов Серафима (Соболева), Дамиана (Говорова) и Североамериканского архиепископа Александра (Немоловского) с болгарскими архиереями. Днем начала евхаристического общения между Зарубежной Русской и Болгарской Церквами стало 9 января 1922 г., когда епископ Серафим со-

⁷³ Указ из Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Церковные ведомости. – 1922. – № 16–17. – С. 2–3.

⁷⁴ ГАРФ. Фонд 5680. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 14–14 об.

⁷⁵ Кострюков, А.А. Русская Зарубежная Церковь и преодоление «болгарской схизмы» // Троицкое наследие. – 2010. – № 1. – С. 15.

служил болгарским архиереям в русской Никольской церкви Софии. 5 марта того же года митрополит Пловдивский Максим служил вместе с епископом Дамианом, 9 июля 1922 г. Софийский митрополит Стефан совершил с владыкой Серафимом литургию в кафедральном соборе Святой Недели, а 9 января 1923 г. – в храме святителя Николая Чудотворца, 8 октября 1922 г. митрополит Варненский Симеон служил вместе с архиепископом Александром и т. д.⁷⁶

В 1923 г. епископ Лубенский даже участвовал в хиротонии Знепольского епископа Паисия. После этого владыка Серафим настойчиво просил Архиерейский Синод РПЦЗ об официальном разрешении вопроса о взаимном молитвенном и богослужебном общении Русской и Болгарской Церквей⁷⁷. Протопресвитер Георгий Шавельский в 1922 г. в газетной статье «Русско-болгарские церковные отношения» также писал, что Болгарская Церковь «и в схизме сохранила всю неприкосновенность православной догматики, нравственности и обряда. Никто не сможет обличить ее в чем-либо не православном»⁷⁸.

В результате 22 октября 1924 г. Архиерейский Собор в Сремских Карловцах разрешил русским архиереям совершать литургию совместно с болгарскими иерархами, приняв следующее постановление: «Не решая принципиального вопроса о болгарской схизме, но принимая во внимание, что сами греческие священнослужители во время войны служили и с болгарскими, разрешить русским Епископам служить с болгарскими Епископами»⁷⁹.

С этого времени сослужения русских и болгарских архиереев стали постоянными. Наглядным проявлением окончательного восстановления евхаристического общения стало совместное торжественное освящение архиереями двух Церквей, в том числе будущим Первоиерархом РПЦЗ архиепископом Анастасием (Грибановским)

⁷⁶ Кострюков, А.А. Русская Зарубежная Церковь и преодоление «болгарской схизмы». С. 15–16; Църковен вестник. – 1922. – № 2. – С. 7; № 19–20. – С. 13; 1926. – № 13. – С. 130.

⁷⁷ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – Москва, 1996. – С. 192.

⁷⁸ Свободная речь. – София, 1922. – 12 января.

⁷⁹ ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 51–51об.; Църковен вестник. – 1928. – № 18. – С. 218.

и епископом Дамианом (Говоровым), кафедрального собора святого князя Александра Невского в Софии 12–13 сентября 1924 г. В 1927–1929 гг. часто сослужил с болгарскими архиереями в храме святого князя Александра Невского архиепископ Полтавский Феофан (Быстров), а в 1935 г. он служил в кафедральном соборе г. Варны вместе с Варненско-Преславским митрополитом Симеоном литургию по поводу переноса русской национальной святыни – чудотворной Курско-Коренной иконы Божией Матери из Софии в Варну. Следует отметить, что и управляющий западноевропейскими приходами Русской Церкви митрополит Евлогий (Георгиевский), находившийся тогда в юрисдикции Московского Патриархата, 29 апреля 1928 г. служил литургию в соборе святого князя Александра Невского вместе с Софийским митрополитом Стефаном. А в 1938 г. митрополиту Стефану сослужил епископ Сергей (Королев), подчинявшийся митрополиту Евлогию, уже перешедшему в Константинопольский Патриархат⁸⁰.

Болгарская Церковь с самого начала оказывала большую помощь русским эмигрантам. Будущий Софийский митрополит Стефан – тогда архимандрит, протосингел Священного Синода 19 января 1920 г. участвовал в создании Русско-болгарского культурно-благотворительного комитета – первой значительной общественной организации, которая помогала беженцам, и 4 апреля 1920 г. был избран ее постоянным председателем. В мае 1920 г. Священный Синод вместе с Болгарским Красным Крестом, Славянским содружеством и другими болгарскими и русскими организациями предложил основать единый объединенный Комитет помощи русским беженцам, председателем которого был снова избран архимандрит Стефан. Окружным посланием Синод указал организовать епархиальные комиссии по сбору помощи русским беженцам. Своими выступлениями отец Стефан способствовал получению Болгарией так называемого беженского займа, что должно было значительно облегчить положение вынужденных переселенцев⁸¹.

⁸⁰ Кострюков, А.А. Русская Зарубежная Церковь и преодоление «болгарской схизмы». С. 17.

⁸¹ Лазов, Д. Екзарх Стефан I, живот, апостолство и държавата. 1944–1953 / Д. Лазов. – София, 1997. – С. 98, 102.

12 декабря 1920 г. состоялось первое заседание Совещания представителей общественных благотворительных организаций в Софии, на котором от Священного Синода присутствовал архимандрит Стефан, а от Русского православного братства – протоиерей Александр Рождественский и А.Г. Покровский. Вскоре после своей хиротонии 7 марта 1921 г. во епископа Маркианопольского владыка Стефан 20 мая был назначен национальным комиссаром по вопросам русских беженцев и болгарским представителем в Верховном комиссариате Лиги Наций в Женеве. В первом докладе по этому поводу премьеру-министру А. Стамболийскому епископ Стефан настаивал, чтобы Болгария приняла возможно большее число русских беженцев. А 14 сентября 1922 г. владыка в докладе Совету Министров писал: «Русскому изгнаничеству по его трагичности нет равных в мировой истории, а описать его просто невозможно»⁸².

В 1921 г. начала формироваться и государственная система помощи русским беженцам, с этого года руководство данной деятельностью все более перемещается в ведение Министерства иностранных дел и исповеданий. Постановлением Совета Министров от 23 ноября 1921 г. был выделен кредит в 2 млн. левов для оказания помощи в переселении и устройстве 3 тыс. русских эмигрантов из Турции, а 30 ноября принято решение о создании Комитета по делам русских беженцев в Болгарии при отделе исповеданий Министерства иностранных дел. Именно этот орган стал главным государственным учреждением в стране, занимавшимся проблемами русской эмиграции, в том числе церковной, до февраля 1945 г.

Первоначально председателем Комитета по делам русских беженцев также был назначен епископ Стефан. Именно в этом качестве владыка в ноябре 1921 г. был направлен Болгарским Синодом в Сремски Карловцы для представления интересов комитета на Первом Всезарубежном Русском Церковном Соборе. Епископ Стефан развил энергичную деятельность в стране и за рубежом, которая зачастую не совпадала с интересами и целями болгарского правительства. В результате владыка был отстранен от руководства го-

⁸² Къосева, Ц. Руската емиграция в България 20-те – 50-те години на XX в. / Ц. Къосева. – София, 2002. – С. 56–58, 67; Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. С. 161.

сударственного комитета, который с 15 января 1923 г. возглавлял Т. Кунев, а с 14 июня 1923 г. – А. Пападанов⁸³.

На отставку епископа Стефана повлияло и то обстоятельство, что в 1922 г. отношения русских эмигрантов с болгарским правительством А. Стамболийского резко ухудшились. Ориентируясь на Советскую Россию, оно не пожелало дальше терпеть в Болгарии Русскую дипломатическую миссию. Она была закрыта в начале 1923 г., а ее имущество и архив переданы болгарскому государственному надзирателю за Русской миссией в Софии К. Сарикову, в ведение которого, таким образом, перешло и имущество Русской Церкви в Болгарии. Только в марте 1933 г. Сариков был освобожден от своей должности, и Министерство иностранных дел и исповеданий 30 марта передало все церковное имущество и архив настоятелю русского храма святителя Николая в Софии протоиерею Николаю Владимирскому⁸⁴.

После отстранения от председательства в Комитете по делам русских беженцев владыка Стефан продолжил помогать эмигрантам уже в качестве Софийского митрополита (избран 26 марта 1922 г.). Особенное внимание митрополита Стефана и Священного Синода в целом уделялось русским священникам, части которых выплачивали субсидии. 22 ноября 1934 г. впервые была выделена помощь в 5 тыс. левов лично архиепископу Серафиму (Соболеву), а с 1 января 1935 г. Болгарский Синод выплачивал ему ежемесячные субсидии в размере 3 тыс. левов из фонда «Общecerковные нужды». Решением Синода от 9 июля 1942 г. ежемесячные субсидии владыке были увеличены до 5 тыс. левов, а затем и до 10 тыс.⁸⁵

Болгарский Синод также выделял стипендии русской молодежи для учебы в болгарских духовных семинариях, в 1925 г. направил 10 тыс. левов на создание русского Богословского института в Париже, в 1928 г. – 20 тыс. левов на постройку русской церкви в Берлине, в 1938 г. оказал материальную помощь русскому монастырю

⁸³ ЦДА. Фонд 166к. – Оп. 3. – Д. 1.

⁸⁴ ГАРФ. Фонд 9145. – Оп. 1. – Д. 1031. – Л. 5–9; Киосева, Ц. Руската емиграция в България 20-те – 50-те години на XX в. С. 300.

⁸⁵ ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 620, 796; ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 78.

Святого Спаса по просьбе архиепископа Серафима (Соболева) и выплатил 10 тыс. левов на миссию архиепископа Камчатского и Петропавловского Нестора в Индии «с целью обращения в истинную веру местных язычников». С начала 1920-х гг. и Министерство иностранных дел и исповеданий выделяло на помощь русским посольским храмам в столицах европейских государств по 10 тыс. левов ежегодно⁸⁶.

Особо следует отметить активную помощь русским эмигрантам выдающегося богослова митрополита Варненского и Преславского Симеона. По его инициативе еще в июле 1919 г. в Варне был организован благотворительный комитет – первая болгарская организация, созданная специально для помощи русским беженцам. Для религиозных нужд русской общины в Варне владыка предал храм святой Анастасии, а стоявший рядом церковный дом – для первой в Болгарии русской гимназии. Это здание получило название «Русский дом» и стало центром культурно-просветительской деятельности эмигрантов в Варне. С благословения митрополита Симеона был устроен сиротский приют и организован русский детский сад, владыка и лично постоянно оказывал нуждавшимся эмигрантам материальную помощь⁸⁷.

17 июня 1922 г. Болгарский Синод распорядился возносить за богослужениями молитвы за русский народ и Русскую Церковь, а в 1923 г. отправил болгарскому правительству и ряду влиятельных международных организаций послание с просьбой содействовать прекращению гонений на христиан в Советской России и освобождению Патриарха Тихона из-под ареста.

Вскоре после начала новой волны гонений на Русскую Церковь в СССР 9 марта 1930 г. в Софии состоялся митинг протеста. Утром во всех храмах города прошли богослужения, литургии, панихиды о замученных и молебствования о спасении России; митрополит Софийский Стефан служил и проповедовал в кафедральном Алек-

⁸⁶ ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 5–6; ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 671; ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 150; ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 2. – Д. 186. – Л. 1; ЦДА. Фонд 166к. – Оп. 1. – Д. 499. – Л. 201, 239.

⁸⁷ Димитров, Э. Русская эмиграция в Варне / Э. Димитров // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София : Русский академический союз в Болгарии, 2009. – С. 122.

сандро-Невском соборе. Затем в театре «Рояль» прошел митинг, в котором приняли участие священнослужители, представители болгарской общественности, политических партий, национально-патриотических организаций. Русская колония активно участвовала в митинге во главе с епископом Серафимом (Соболевым) и председателем Святорусского братства князем Ухтомским. Участники митинга отметили массовые гонения на Церковь и верующих, разрушения храмов в СССР и призвали правительства и глав Церквей прекратить сношения с советской властью. Также было решено создать в Болгарии Комитет по борьбе с религиозными преследованиями⁸⁸. Поддержка Болгарской Церкви оказалась особенно важна для русских общин в дальнейшем – во время драматических испытаний 1930-х – 1940-х гг.

В целом к началу 1930-х гг. русское епископство в Болгарии прошло определенный путь развития. Возникнув в 1921 г. в результате миграции из России нескольких десятков тысяч участников Белого движения, членов из семей, а также священнослужителей, оно быстро достигло значительных размеров: девять приходов, два монастыря и Богословско-пастырское училище. Русская церковная эмиграция также оказала значительное воздействие на все сферы деятельности Болгарской Православной Церкви. Однако в дальнейшем ее ждали серьезные испытания: в результате передачи дореволюционной русской церковной собственности советскому правительству, сокращения численности беженцев в стране, определенных внутренних конфликтов и потрясений Второй мировой войны сфера влияния русского епископства заметно сократилась.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. 35-летний юбилей учено-литературной деятельности профессора Н.Н. Глубоковского // Церковные ведомости. – 1925. – № 13–14. – С. 9–10.
2. Бокач, Ф. Протопресвитер Георгий Шавельский / Ф. Бокач // Церковно-исторический вестник. – 1998. – № 1. – С. 98–110.

⁸⁸ Царский вестник. – Белград, 1930. – 16 марта.

3. Бялата емиграция в България : Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. – София, 2001. – 455 с.
4. Велева, М. Българската съдба на проф. П. М. Бицилли / М. Велева. – София, 2004. – 162 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд. 1486. – Оп. 1. – Д. 1.
6. ГАРФ. Фонд 1486. – Оп. 1. – Д. 8.
7. ГАРФ. Фонд 1486. – Оп. 1. – Д. 27.
8. ГАРФ. Фонд 5680. – Оп. 1. – Д. 116.
9. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 2.
10. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 49.
11. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 55.
12. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 63.
13. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 70.
14. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 78.
15. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 81.
16. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 82.
17. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 84.
18. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 85.
19. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 92.
20. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 94.
21. ГАРФ. Фонд. 6343. – Оп. 1. – Д. 95.
22. ГАРФ. Фонд. 6343. – Оп. 1. – Д. 97.
23. ГАРФ. Фонд. 6343. – Оп. 1. – Д. 98.
24. ГАРФ. Фонд. 6343. – Оп. 1. – Д. 99.
25. ГАРФ. Фонд. 6343. – Оп. 1. – Д. 101.
26. ГАРФ. Фонд. 6343. – Оп. 1. – Д. 106.
27. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 107.
28. ГАРФ. Фонд 6343. – Оп. 1. – Д. 108.
29. ГАРФ. Фонд. 6343. – Оп. 1. – Д. 113.
30. ГАРФ. Фонд 9145. – Оп. 1. – Д. 1031.
31. Говорухин, В. Русский Свято-Николаевский храм в Софии / В. Говорухин. – София, 1995. – 80 с.
32. Даскалов, Д. Бялата емиграция в България / Д. Даскалов. – София, 1997. – 181 с.

33. Димитров, И. Професор Николай Никанорович Глубоковский – основатель на новозаветного богословие в България / И. Димитров // Бялата емиграция в България : Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г. – София, 2001. – С. 366–371.

34. Димитров, Э. Русская эмиграция в Варне / Э. Димитров // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София : Русский академический союз в Болгарии, 2009.

35. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной / митрополит Евлогий (Георгиевский). – Москва, 1994. – 620 с.

36. Евлогий, епископ. Учители белоэмигранты в Пловдивската Духовна Семинария / епископ Евлогий // Бялата емиграция в България Материали от научна конференция София, 23 и 24 септември 1999 г. – София, 2001.

37. Жевахов, Н. Воспоминания / Н. Жевахов. – Москва, 1993. – 82 с.

38. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / М. Йованович. – Москва, 2005. – 487 с.

39. Киосева, Ц. Документы о Белой эмиграции в болгарских архивах / Ц. Киосева // Вестник архивиста. – 2004. – № 3–4. – С. 240–265.

40. Клементьев, А.К. «...Человек без лицемерия» / А.К. Клементьев // Новый журнал. – 2007. – Кн. 249.

41. Колосова, В.О. Роль российского общества Красного Креста в обустройстве русских беженцев в Европе в 1918–1922 гг. / В.О. Колосова // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского института. Материалы 2003 г. – Москва, 2003. – С. 340–350.

42. Кострюков, А.А. Преодолевший разделение / А.А. Кострюков. – Москва, 2014.

43. Кострюков, А.А. Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод / А.А. Кострюков // Церковь и время. – 2006. – № 1 (34). – С. 134–151.

44. Кострюков, А.А. Русская Зарубежная Церковь в 1925–1938 гг.

Юрисдикционные конфликты и отношения с московской церковной властью. – Москва, 2015. – 624 с.

45. Кострюков, А.А. Русская Зарубежная Церковь и преодоление «болгарской схизмы» // Троицкое наследие. – 2010. – № 1. – С. 14–17.

46. Кьосева, Ц. Русские художники-эмигранты в Болгарии / Ц. Кьосева // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София, 2009. – С. 89–95.

47. Кьосева, Ц. Русские школы в Болгарии (20-е – 40-е годы XX века) / Ц. Кьосева // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София, 2009.

48. Кьосева, Ц. Руската емиграция в България 20-те – 50-те години на XX в. / Ц. Кьосева. – София, 2002. – 591 с.

49. Лазов, Д. Екзарх Стефан I, живот, апостолство и държавата. 1944–1953 / Д. Лазов. – София, 1997.

50. Маевский, В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. / В. Маевский. – Нью-Йорк, 1966. – Т. 2.

51. Маковецкий, А. Белая Церковь: Вдали от атеистического террора / А. Маковецкий. – Санкт-Петербург, 2009. – 315 с.

52. Мануил (Лемешевский), митрополит. Русские православные архиереи периода с 1893 по 1965 годы (включительно) / митрополит Мануил (Лемешевский). – Эрланген, 1984. – Т. 3. – 419 с.

53. Матвеева, И.В. Из жизни русской эмиграции в Болгарии: отрывки воспоминаний / И.В. Матвеева // Славянский альманах. 2003. – Москва, 2004. – С. 491–515.

54. Никон (Рклицкий), епископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого / епископ Никон (Рклицкий). – Нью-Йорк, 1959. – Т. V. – 336 с.

55. Письма Блаженнейшего Митрополита Антония (Храповицкого). – Джорданвилл, 1988. – 280 с.

56. Платонов, А. Глубоковский Николай Никанорович / А. Платонов // Русская философия. Энциклопедический словарь. – Москва, 2003.

57. Православная Русь. – 1944. – № 9–10.

58. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – Москва, 1996. – 356 с.

59. Русские писатели-богословы. Историки Церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания. Биобиблиографический указатель. – Москва, 2001. – 462 с.

60. Русские храмы и обители в Европе. – Санкт-Петербург, 2005. – 399 с.

61. Свободная речь. – София, 1922. – 12 января.

62. Соловьев, И. Протопресвитер Георгий Шавельский и его литературное наследство / И. Соловьев // Протопресвитер Георгий Шавельский. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. – Москва, 2010. – С. 3–42.

63. Указ из Временного Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Церковные ведомости. – 1922. – № 16–17. – С. 1–3.

64. Цанков, С. Българската православна църква от Освобождението до настояще време / С. Цанков. – София, 1939.

65. Царский вестник. – Белград, 1930. – 16 марта.

66. Центральный государственный архив Болгарии (Централен държавен архив – ЦДА). Фонд 166к. – Оп. 3. – Д. 1.

67. ЦДА. Фонд. 166к. – Оп. 3. – Д. 1.

68. ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 1. – Д. 8.

69. ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 1. – Д. 40.

70. ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 1. – Д. 43.

71. ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 1. – Д. 53.

72. ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 1. – Д. 60.

73. ЦДА. Фонд 791к. – Оп. 2. – Д. 186.

74. ЦДА. Фонд 166к. – Оп. 1. – Д. 499.

75. Църковен вестник. – 1922. – № 2.

76. Църковен вестник. – 1922. – № 19–20.

77. Църковен вестник. – 1926. – № 13.

78. Църковен вестник. – 1928. – № 18.

79. Шавельский, Г. Русская школа в Болгарии / Г. Шавельский // Труды V-го съезда русских академических организаций за границей. София, 1932. – Ч. 1.

80. Энеева, Н.Т. Спор о софиологии в русском Зарубежье. 1920–1930 гг. / Н.Т. Энеева. – Москва, 2001. – 125 с.

81. Seide, G. Geschichte der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland / G. Seide. – Wiesbaden, 1983. – 476 p.

82. Seide, G. Die Kloster der Russische Orthodoxe Kirche im Ausland / G. Seide. – München, 1984. – 194 p.

83. Seide, G. Verantwortung in der Diaspora. Die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland / G. Seide. – München, 1989. – 369 p.

THE RUSSIAN ECCLESIASTICAL EMIGRATION IN BULGARIA IN THE 1920S

M. SHKAROVSKY

The article is devoted to the history of the development of Russian theological science, spiritual education, monasticism in Bulgaria, carried out in the 1920s. Mainly representatives of Russian emigration, who were in the jurisdiction of the Russian Orthodox Church Outside of Russia. During the period under consideration, the Russian clergy played a significant role in the religious, scientific and cultural life of Bulgaria. To a large extent, the centuries-old church Russian-Bulgarian relations contributed to this.

Keywords: theological faculty of the Sofia University, theological education, Bulgaria, The Bulgarian Orthodox Church, Orthodoxy, The Russian Orthodox Church Outside of Russia, Russian monasticism, Russian emigration, Church history.